

ЗИНАИДА ГИППИУС

Почти-рай:

Встреча с Вячеславом Ивановым в Риме (Из итальянских впечатлений)

В наше сумасшедшее время хочется иногда, забыв все сенсации, газетные известия, политические или голливудские, поговорить о чем-нибудь мирно-спокойном и красивом. Рассказать, например, о рае, в котором мы жили три месяца.

Впрочем, мы называли его «почти-рай». Сам по себе от настоящего он мало отличался; но в настоящем, я думаю, у нас будет вечное острое ощущение счастья; а тут, — все-таки на земле! — мы блаженства постоянного не испытывали.

«Много видал я в жизни прекрасных стран, — говорит Массимо д'Азелио¹, — горных, приморских, приозерных, много долин и широких пространств; но того, что открывалось передо мною с балкона в Рокка-ди-Папа и столько говорило воображению, чувству прекрасного, памяти о великом прошлом, — я не нашел нигде, ни в каком другом месте земли».

Около этого городка «на дыбах» Папской Скалы, мы и жили на знаменитой вилле «Флора». Она похожа на палаццо, но мы живем одни, в цветах и тишине. Гигантские каштаны уже начинаются в саду, сзади дома, сад переходит в парк, парк в каштановые леса по всем горам. Темно-зеленые, почти черные своды над лесными тропами, — мы никогда не могли дойти до их конца. А в другой, закатной стороне, к Риму, — то, на что смотрел д'Азелио с своего балкона, а мы — из нашей лоджии с древними колоннами, или из верхних окон студии.

Там, за черной зеленью, — ниже-ниже — лазурно-льdistое озеро в пушистых берегах, круглое, как библейский Моав: «Моав — умывальная чаша Моя...»². На берегу замок: там живет сейчас старей-старей человек — папа Пий XI³.

А еще ниже, в сизом дыму отдаления, под огромным небом, — огромная римская Кампанья⁴; без края. Нет, в ясные дни край виден: полоска расплавленного серебра. Море.

Какое горячее солнце! Какой нежный горный воздух! Молодая сицильянка накрывает на стол в садовой беседке. Даже в этом что-то райское: всякий день на столе корзина свежей лесной земляники. Настоящей, душистой, какую мы собирали в русских лесах в июне. Только здесь, в почти-раю, она, приозерная, почти всегда: от апреля до Рождества.

А когда сицильянка приходит в сад со своим младенцем на руках, садится около саркофага, у стены, доверху увитой голубыми цветами, мне начинает казаться, что рай — настоящий: так молчаливо и значительно улыбается ребенок, так прямо смотрит на солнце.

И она улыбается — ребенку. В эту минуту она прекраснее гоголевской Анунциаты.

В студии, как ни ярко солнце, жаль припереть ставни, закрыть небесное озеро, старинный замок, где живет папа. Стол Мережковского у окна. Он пишет о... Лютере⁵. Против папы? Нет, только *напротив*, постоянно имея перед глазами его замок; может быть, так и надо писать о Лютере: не забываешь, сколько было все-таки прекрасного, и остается, в римском католичестве.

Иногда уединенье наше нарушается: приезжают гости. Русские редко; чаще итальянцы. Тут хочу признаться: итальянцы вообще люди милые, любезные, многие, наверно, замечательны, но... я их не понимаю. Каждый полон для меня неожиданностями. Что такое, например, молодой богач, владелец нашей «Флоры»? Вид у него кондотьера, говорит, обычно, пустяки; в нашем «палаццо», которым он очень гордится, рядом с памятниками старого искусства, с полотнами Веласкеза⁶, висят картинки современные, вкуса сомнительного. И вдруг, однажды, за рулем автомобиля, забыв, как опасны узенькие улочки папской резиденции, он принялся декламировать дантовский «Ад», с жестами, с пафосом. Автомобиль шатался, кренился, дети с криком разбежались, но он не опомнился, пока всю «Песнь» не прочитал.

Или милый, скромный Р., издавший роскошную книгу о Ливии⁷: вдруг оказалось, что он так любит русскую литературу, что собрал целую библиотеку переводов с русского на разные языки. А друг его бурный, старый Г., вечно рассказывающий, хохоча, разные истории о «Габриелэ» (д'Аннунцио)⁸, закадычном своем,

с юности, приятеле? Г. забавен, а историям я не верю. Или еще: знаменитый генерал с серебряной челюстью. Тоже был у нас с друзьями. Никакого серебра под черной бородой не видно, очень мил, любезен и — все-таки загадочен.

Мы водим гостей по парку, все веселы, шутят, смеются... Да, вот, должно быть, главное: очень они, итальянцы, жизнерадостны, всегда полны — неизвестно на что — надежд. Другой фон какой-то душевный; не оттого ли мы, русские, да еще эмигранты, их не понимаем?

Наши горы возглавляются острой, узкой вершиной, где когда-то был храм Юпитера. Доселе целы его мшистые стены, будто нечеловеческими руками воздвигнутые. В их гигантском кольце маленьким кажется средневековый монастырь. Туда ведет древняя римская дорога, «священная», тоже такими же гигантскими каменными глыбами выложенная, вымощенная.

Храм разрушен, но в ясные ночи, как в былые века, драгоценным камнем переливается над вершиной звездный Юпитер. Храм разрушен, но примирился ли с этим древний бог? Всегда оттуда, из-за острия, тянутся первые, черно-желтые, пальцы туч. Оттуда с воплем падает первый ветер. Ломает деревья внизу, — своих вековых дубов и стен храма не трогает. «Опять Юпитер сердится, — говорят жители нижних гор, — не быть добру».

Поздним осенним вечером мы стоим перед стеклянной дверью нашей лоджии. Смотрим, что за дверью делается, оторваться не можем. Все стоим, и сицильянка с младенцем, и растрепанная девчонка Джина, что днем таскает младенца по саду.

Там, за дверью, вместо огромного неба, огромные бело-огненные крылья машут, ни на миг не переставая. С высоты до земли быстрые, длинные взмахи, и земля под ними вспыхивает, и озеро горит синеватым пламенем. «Феста», — шепчет сицильянка, и правда, будто праздник, только не наш, человеческий. У нас даже слов нет для взмахов этих крыльев, для голубого огня их: трепет? блистанье? Не похоже ни на что. Вот только прямо перед нами падающие молнии похожи на толстые колонны из огня, у которых вдруг отламывалась верхушка. Разрушаясь, колонны падают — куда? Близко; а может быть, далеко, — в море.

Так мы и стояли, смотрели, слушали; неизвестно сколько времени. Потом пошли наверх, — там закрыты ставни, ничего не видно. Только грохот — взбесившаяся Юпитерова конница скачет по священной дороге. И так — до утра.

* * *

Октябрь. Мы покинули наш «почти-рай». Мы опять в Риме, — уввы, ненадолго. Через несколько дней — Париж, дождь, мокрые тротуары, монпарнасские поэты...

Сегодня последнее воскресенье. Пойдем в гости к нашему знаменитому соотечественнику, «мудрецу на Тарпейской скале»⁹, Вяч. Ив. Иванову.

В Риме, после Парижа, все «рукой подать». Мы идем пешком.

Вот и волшебная лестница Капитолия. Волчицы не видно. Она спит. Да ее, кажется, перевели из левого густого садика в правый. Там тоже пещера.

Марк Аврелий¹⁰ на предвечернем небе. Что за величие покоя! В одном мановении руки — мир всего мира... Обогнув М. Аврелия, идем по узкой улочке, меж старых дворцов. Мы уже на знаменитой скале, сейчас дверь В. И-ва, но невозможно не остановиться на этой маленькой открытой площадке: под нами Форум, далее — Колизей, и все — в оранжевом пылании заката. Голос вечернего колокола, Ave Maria...

С крутой улочки в дом, где живет В. И., нет ступеней. Но старые дома на Тарпейской скале — с неожиданностями. Стоит пройти только через переднюю и маленькую столовую на балкончик — там провал. И длиннейшая, по наружной стене, лестница: шаткая, коленчатая, со сквозными ступенями, похожая на пожарную. Она спускается в густой зеленый садик. Но пусть об этом садике скажет сам его хозяин-поэт, в стихотворении, только что написанном и посвященном своей постоянной сотруднице, помощнице в научных работах. (Она же, эта изумительная женщина, и «гений семьи»: с В. И. живет его милая, тихоликая дочь, музыкантша, профессор римской консерватории, и сын студент.)

Вот эти стихи:

Журчливый садик, и за ним
Твои нагие мощи, Рим!
В нем лавр, смоковницы и розы
И в гроздиях тяжелых лозы.

Над ним, меж книг, единый сон
Двух сливших за рекой времен
Две памяти молитв созвучных
Двух спутников, двух неразлучных.

Сквозь сон эфирный лицезрим
Твои нагие мощи, Рим.
А струйки, в зарослях играя,
Журчат свой сон земного рая.

Кто из петербуржцев-писателей не помнит знаменитую «башню» на Таврической и ее хозяина? Минули годы (и какие!), все изменилось. Вместо башни — Тарпейская скала и «нагие мощи» Рима. Вместо шумного роя новейших поэтов — за круглым чайным столом сидит какой-нибудь молодой семинарист в черной ряске, или итальянский ученый. Иные удостаиваются «а parte»* в узком, заставленном книгами, кабинете хозяина... Все изменилось вокруг, — а он сам? Так ли уж изменился? Правда, он теперь католик; но эта перемена в нем мало чувствуется. Правда, золотых кудрей уже нет; но, седовласый, он стал больше походить на древнего мудреца (или на старого немецкого философа). У него те же мягкие, чрезвычайно мягкие, любезные манеры, такие же внимательные, живые глаза. И — живой отклик на все.

Мы отвыкли от встреч с людьми настоящей, хорошей культуры. А какое это отдохновение! Вяч. И-в, конечно, и «кладезь учености», но не в том главное, а в том, что заранее знаешь: с ним можно говорить решительно обо всем; он поймет значительность всякого вопроса, в любой области. Как он сам на данный вопрос отвечает — уже не столь важно: мы иногда не соглашаемся, спорим, но спора не делим; взгляд В. И. сам по себе всегда интересен, любопытен; споры же — бесполезнейшая вещь на свете.

Но особенно живо воскресла передо мною «башня», когда мы заговаривали о поэзии, о стихах. Мы привезли в тарпейское уединенье несколько томиков современных парижских поэтов. Утонченный их разбор, давший повод к длинным речам о стихах, о стихосложении вообще, — как это было похоже на В. И. тридцать лет тому назад! Скажем правду: в этом человеке высокой и всесторонней культуры, в этом ученом и философе, до сих пор живет «эстет» начала века. И, может быть, «эстета» в себе он больше всего и любит.

Невольная зависть. В самом деле, что такое новейшее наше разочарование в эстетизме, в литературе, в силе слова? Ведь это, пожалуй, только дань безумным «темпам» нашего времени,

---

* уединенная беседа (*ит.*).

погоне за всяческой «актуальностью». Искусство требует мира и тишины; а нам некогда слушать голос муз, мы слушаем радио.

Так или иначе, жители Тарпейской скалы счастливее многих из нас. У них и садик, «земной рай», и музыка, и книги, и научный труд, и стихи, а Ave Maria из-за римского Форума...

Но не будем завидовать. Лучше порадуемся за них.

Рим. Октябрь, 37 г.

